

НЕКРАСОВ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Статья И. Власова*

«Честь и слава вам, доблестно павшие...»

Некрасов

До сих пор в литературе о Некрасове не ставился вопрос о том, как отнесся великий русский поэт-демократ к такому событию мировой истории, как Парижская Коммуна, современником которой он был и которую Ленин назвал «величайшим образцом величайшего пролетарского движения XIX века».

Между тем, следовало бы уже давно предположить, что Некрасов, обладавший и как поэт, и как редактор такой непосредственной отзывчивостью к явлениям текущей политической жизни, не мог пройти мимо современного ему исторического явления столь крупного масштаба.

Специальное обследование материалов, относящихся к этой теме, привело нас к убеждению, что Некрасов сделал смелую, но безнадежную попытку откликнуться на события Коммуны и франко-прусской войны в двух стихотворениях, принадлежащих к лучшим и широко известным образцам его политической лирики.

Речь идет о стихотворениях «Смелки честные, доблестно павшие...» и «Страшный год».

Первое из них в течение ряда десятилетий, вплоть до настоящего времени, считалось «посвященным» подсудимым известного «процесса 50-ти» (1877) и признавалось предсмертным откликом Некрасова на политическую реакцию в тогдашней России.

Стихотворение «Страшный год» до сих пор рассматривалось, как протест против надвигавшейся русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Обосновать новое понимание названных стихотворений как откликов Некрасова на события Парижской Коммуны и франко-прусской войны — такова задача настоящей статьи.

1

Для передовых русских современников Парижская Коммуна была яркой революционной молнией, прорезавшей на короткое время серое небо буржуазной эпохи и вновь приковавшей все взоры к Франции. Особенно сильное впечатление события Коммуны, естественно, произвели на молодую и революционно настроенную часть русского общества.

П. Л. Лавров писал, что 1871 год «вызвал в революционных элементах русской интеллигенции определенное движение, которое резко выступи-

* Смерть помешала автору довести публикуемую здесь работу до конца. В распоряжении «Литературного Наследства» оказалась лишь предварительная редакция статьи. Однако, учитывая существенный интерес выдвинутой И. И. Власовым гипотезы, мы печатаем статью, вводя в нее отсутствовавшие звенья аргументации и документально-фактических мотивировок и придав изложению литературно-законченную форму.

Доработка статьи произведена С. А. Макашиным. — Р е д.

ло в начале 70-х годов как энергичная сила на фоне унылой и сознающей свое бессилие русской оппозиционной интеллигенции»¹.

При этом Лавров подчеркивает одну характерную черту в восприятии парижских событий в России, указываемую и многими другими современниками. Не столько само возникновение Коммуны вызвало в революционных элементах русской интеллигенции «определенное движение», «сколько кровавая расправа с коммунарами». Именно она сильнее всего воздействовала на чувства наиболее активной части русского общества и усилила накопившееся уже раньше недовольство условиями политической жизни в стране.

Как мы увидим, такие же настроения, в связи с кровавой расправой над коммунарами, переживал и один из главных «властителей дум» тогдашней передовой интеллигенции — ее любимый поэт Некрасов.

Радикально-демократическая печать в России, несмотря на суровые цензурные условия, проявила активный интерес к разыгравшимся во Франции событиям. «Отечественные Записки» не составляли, разумеется, исключения.

Непосредственные отклики на начавшуюся франко-прусскую войну появляются впервые в июльской книжке «Отечественных Записок» за 1870 г. В ней напечатано стихотворение А. Н. Плещеева, в котором есть строки:

Скоро ль сменится любовью
Эта ненависть племен,
И не будет братской кровью
Меч народов обгагрен?..

В августе помещена хроника Н. Демерта — «Наши общественные дела» — на тему о влиянии франко-прусской войны на внутреннее положение России. В октябрьской книжке тот же Н. Демерт начинает свое «внутреннее обозрение» такими характерными словами: «Так как судьбами всего мира в настоящее время распоряжается несколько сотен крупных капиталистов, то трудно определить, когда кончится затянувшаяся война», и т. д. В том же номере напечатаны статья М. М. <М. Е. Салтыкова-Щедрина> «Сила событий» и стихотворение Д. Минаева «Над полями битвы»:

...две нации ведут упорный бой,
Две нации льют кровь, изобретая
Орудья к истреблению людей...

С ноябрьской книжки журнала началось печатание «Бесед по поводу прусско-французской войны» Г. З. Елисеева, которые продолжались и в 1871 г. Наконец, в декабрьском номере помещены отзывы о трех новых книгах под общим заглавием «Франция или Германия?», а также статья Н. Павловского «Свежие и отживающие военные силы».

Еще большее внимание уделяет журнал развертывающимся во Франции событиям в следующем году, несмотря на усилившееся, в особенности после установления Парижской Коммуны, давление цензуры.

В январе 1871 г. помещены «Военно-поэтические отголоски» Выборгского пустынноика, т. е. В. П. Буренина. В феврале напечатаны: статья Н. К. Михайловского о Бисмарке, «Беседа о войне» Г. З. Елисеева и очерк «Женщины в современной войне». В марте снова «Военно-поэтические отголоски» Выборгского пустынноика и очередная «Беседа о войне» Г. З. Елисеева.

Только в июльском номере появился первый отклик на события, непосредственно связанные с Парижской Коммуной и ее гибелью. Это — стихотворение Н. Курочкина «Паровая гильотина», с большой смелостью

НЕКРАСОВ

Автолитография И. Н. Крамского, 1878 г.
Литературный музей, Москва

бичующее буржуазное правительство Тьера за массовый расстрел коммунаров:

...постыдно
 В наши дни сожгли Париж,
 Где правители «льют слезы»
 Из-за «камней крепостей»
 И наводят митральезы
 Против женщин и детей.
 На войне, как в лихорадке,
 Кровь людскую льют ручьем,
 И расстреливать десятки
 Тьсяч стало нипочем...

Слова о «камнях крепостей» содержали сатирический намек на речь Жюля Фавра, который лицемерно обвинял коммунаров в том, что из-за них были повреждены артиллерией версальцев форты Парижа.

В июне 1871 г. Некрасов привлек к составлению корреспонденции из Парижа П. Д. Боборыкина, который должен был специально отправиться для этого из Петербурга во французскую столицу. Однако Боборыкин написал только два «письма» из Парижа. Они были напечатаны в августовской и ноябрьской книжках «Отечественных Записок» за 1871 г., под общим заглавием «На развалинах Парижа»².

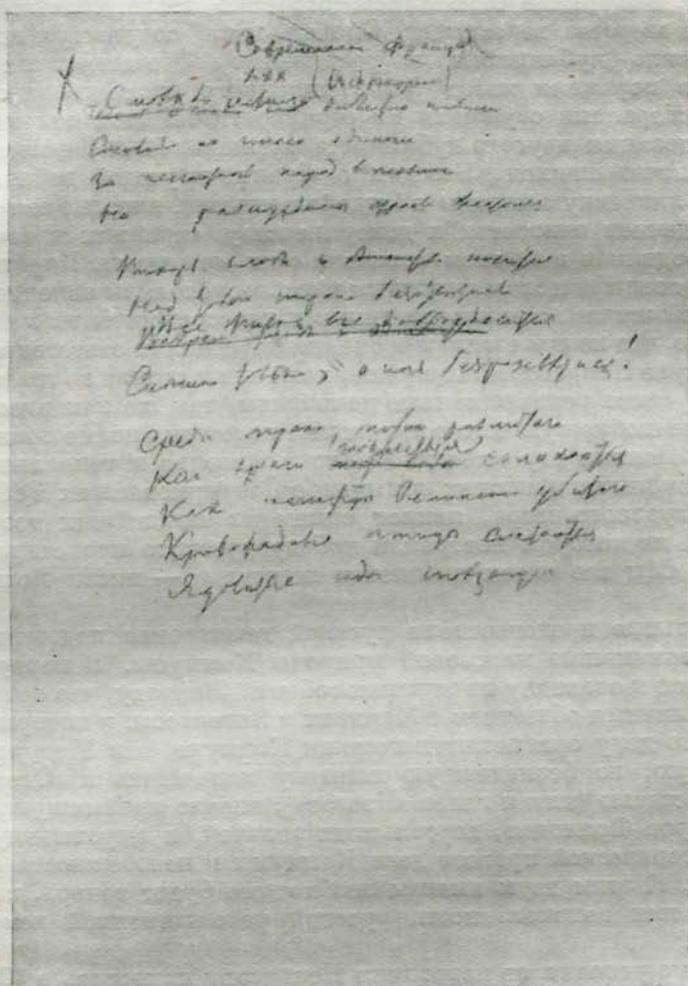
«Письма П. Д. Боборыкина представляют собой, в сущности, наиболее злободневную и полную информацию журнала о Париже 1871 г. Боборыкин дает ряд острых, живых, но несколько поверхностных наблюдений над жизнью великого города в «страшный год» войны и Коммуны: «Все пережито им <Парижем> в течение одного года: лихорадка шовинизма, легкомыслие дерзости, эпидемия самообмана, пароксизмы страха и отчаяния, томление осады, одушевление опасности, голод, холод, геройство неумелости, вспышки народного броженья,— наконец, вооруженный взрыв небывалых, громадных размеров, где впервые выступил работник не с пикой и ножом, а с грозной артиллерией; и опять новая вереница адских испытаний: резня, разрушение, зарево пожаров, зверства солдатчины, человеческая бойня, превышающая все, что только воображение европейца могло создать в условиях возможной гуманности... Один год стоит вечности. Все потрясено, разбито, окровавлено, рассеяно, залито лавой разрушения».

В обещанном третьем «письме» Боборыкин предполагал «найти настоящий ключ к уразумению главного нерва революции 18-го марта», но либо такая задача оказалась для автора непосильной, либо возникли цензурные затруднения. Очередное «письмо» в журнале не появилось.

В сентябрьской книжке возобновилось прерванное войною печатание «Парижских писем» постоянного французского обозревателя журнала Шассена (Клод Франк) и продолжалось до конца года. С ноября началось печатание переведенной с французского Варф. Зайцевым повести «Красная рубашка во Франции»,— записок об участии гарибальдийцев, этой своеобразной «интернациональной бригады» тех дней, во франко-прусской войне на стороне французов.

Таков краткий обзор основных материалов, касающихся событий во Франции 1870—1871 гг., появившихся за эти же годы в «Отечественных Записках». Даже эти материалы, не говоря о всех других возможных источниках информации, показывают, что Некрасов находился, подобно всем передовым русским людям эпохи, в атмосфере живой и глубокой заинтересованности развивавшимися во Франции драматическими событиями. Но, вместе с тем, изучение этих материалов обнаруживает, что позиции «Отечественных Записок» в отношении Коммуны определялись не Некрасовым или Щедриным, а народнической частью редакции и находились в полном соответствии с народнической идеологией.

Правда, главный народнический публицист журнала, Михайловский, не дал (вероятно, по соображениям цензурного порядка) специальной статьи о Коммуне, но его взгляд на нее достаточно выразительно определяется из ряда отдельных упоминаний в его статьях данного периода. События 1870—1871 гг. Михайловский считал «историческим атавизмом»

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ «СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ...»
С ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМ ЗАГЛАВИЕМ «СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

и ставил в заслугу Луи Блану, к которому относился с политической симпатией, что он сумел избежать крайностей «парижских и версальских нештеств»³.

Луи Блан и его соглашательская тактика поднимаются на щит и Шассеном. Его корреспонденции определенно враждебны Коммуне, хотя одновременно они и резко обличительны по отношению к Тьеру и к Жюлю Фавру. Мелкобуржуазный демократ Шассен враждебен Коммуне именно потому, что если не увидел, то почувствовал в ней опыт диктатуры пролетариата. Наиболее решительные, энергичные и революционные элементы

Коммуны — якобинцы, эбертисты и бланкисты — неизменно квалифицируются им в самых резких выражениях.

С чисто прудонистских, популярных в раннем народничестве, позиций трактует Коммуну другой публицист журнала, Н. Павловский. Для него Коммуна — это «принцип федерализма в его извечной, во французской истории, борьбе с централизмом»⁴.

Конечно, в журнале отмечались, особенно после кровавой «майской недели», и зверства версальцев. Однако, даже сочувствуя коммунарам, народнические публицисты и рецензенты «Отечественных Записок» откровенно порицали метод «революционного насилия» коммунаров и вслед за либералами осуждали их «крайности». В этом отношении показательна позиция другого публициста журнала, Г. З. Елисеева. В своих анонимно печатавшихся «Беседах о франко-прусской войне» он, упрекая республиканскую партию в бездейственности, вместе с тем с откровенным осуждением относится к доктринерству «крайних красных»⁵.

Для народников в полном согласии с их взглядами, Парижская Коммуна была специфическим и чуждым русским условиям явлением западноевропейской жизни, с ее ожесточенными классовыми битвами и борьбой.

Очевидно, что не эти взгляды и оценки определяли отношение к Парижской Коммуне Некрасова и Щедрина, хотя они и стояли во главе журнала. Правда, русские революционные демократы, так же как идеологи европейского мелкобуржуазного социализма, не могли вполне понять «тайны» Коммуны. Поняли эту «тайну» Маркс и Энгельс и гениально истолкованный ими опыт парижских коммунаров, штурмовавших в 1871 г. твердыни буржуазного мира, явился одним из важнейших теоретических оснований, на котором построили победу русского пролетариата Ленин и Сталин. «Мы все стоим на плечах коммуны», — писал Ленин (XXIV, 14).

Но отдельные представители русской демократии подошли довольно близко к пониманию классовой природы Коммуны. В первую очередь это относится к очевидцу парижских событий Лаврову, что отчасти объясняется его личным общением с Марксом и Энгельсом, к которым он ездил в Лондон по делу организации помощи Коммуне, и к Щедрину, сделавшему смелую, но безнадежную попытку напечатать в «Отечественных Записках» статью (пятая глава «Итогов»), гневно клеймящую «одичалых консерваторов Франции», версальских палачей, и выражающую уверенность в исторической правоте дела Коммуны и неизбежности его победы в будущем. К этим двум именам необходимо будет теперь, как увидим, прибавить имя великого поэта русской революционной демократии — Некрасова.

Цензурные условия не позволили Некрасову поместить в «Отечественных Записках» те материалы, которые бы выражали отношение к Коммуне его и Щедрина, а не Михайловского и Елисеева.

Сам поэт за весь 1871 год поместил в журнале только одну поэму — «Недавнее время», написанную летом в Карабихе (датирована 1 июля 1871 г.). В «послесловии» к поэме Некрасов счел необходимым объяснить читателю, почему он обратился к историческим темам и не касается живо трепещущих тем современности:

...читатель, в вопросах текущих
Права голоса мы лишены...

.....

Так, намекая на цензурные условия, объяснил Некрасов отсутствие в журнале его собственного прямого отклика на «текущие» события во Франции. Но одновременно косвенный намек на эти события и на их отражение в политике самодержавия Некрасов, думается нам, дал в тех

строках «Недавнего времени», где он говорит о февральской революции 1848 г.:

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.

Во всяком случае, читая эти строки чуть ли не в самые дни совершавшихся в Париже грозных событий, современник невольно должен был ассоциировать прошлое с настоящим, историю с современностью.

Но скоро Некрасов выполнил и свое обещание, данное читателю в том же «Недавнем времени»:

Погоди, если мы поживем,
Дав назад отодвинуться фактам,
И вперед мы рассказ поведем...
И всегда по возможности будем
Верны истине за д н и м ч и с л о м .

«Задним числом», в 1872—1874 гг., Некрасов создал два замечательных, «верных истине» стихотворения, прямо относящихся к событиям, о которых в 1871 г. он не рискнул писать.

2

В конце апреля 1872 г. в Париже вышел в свет сборник политической лирики Виктора Гюго «L'Année terrible» («Страшный год»). В этой книге французский поэт объединил свои стихи, посвященные событиям, которые пережила Франция с августа 1870 г. по август 1871 г., — франко-прусской войне и Парижской Коммуне.

Своеобразная лирическая хроника «Страшного года» разделена на главы по месяцам. По содержанию своему она естественно распадается на две части.

Первая начинается стихотворением о разгроме французской армии при Седане и содержит ряд картин войны, проникнутых чувством глубокого патриотизма и ненависти к пруссакам. Вторая представляет собой сцены из жизни, борьбы и поражения Парижской Коммуны.

Вся книга проникнута мрачным, пессимистическим настроением. Недаром ее последнее стихотворение — заключительный аккорд — озаглавлено «Dans l'ombre» («Во мраке»).

Грозные события разгрома Франции и насилия прусской военщины над побежденной страной и создали у поэта настроение беспроблемного отчаяния.

С другой стороны, не удовлетворяло Гюго и развитие событий в период Парижской Коммуны. Отношение его к Коммуне было противоречиво. Возникновение Коммуны Гюго горячо приветствовал: он надеялся, что она продолжит сопротивление французской армии пруссакам и расторгнет позорный для Франции прелиминарный мир, заключенный правительством Национальной обороны. Он надеялся также, что Коммуна вступит на путь реформ, осуществляя их через обычный буржуазно-демократический парламентаризм.

Когда началась ожесточенная борьба между коммунарами и войсками версальского правительства Тьера, Гюго пытался примирить борющиеся стороны, призывая их к взаимному «прощению». После разгрома Коммуны Гюго мужественно протестовал против кровавых зверств версальских палачей, вступаясь за коммунаров, призывая версальцев к пощаде и милосердию в отношении побежденных. Но, возмущаясь насилиями версальцев, Гюго осуждал и ответные действия коммунаров, в особенности расстрелы ими заложников.

Преувеличивая, как всякий социалист-утопист, значение и действительность слова, Гюго пытался вызвать чувства великодушия у версальцев, но, разумеется, все его гуманистические призывы оставались гласом вопиющего в пустыне и еще более обостряли пессимистическое настроение писателя.

Виктор Гюго пользовался в России огромной популярностью. Каждая вновь выходящая его книга, будь то роман или сборник стихов, тотчас же переводилась на русский язык. Неоднократно бывало, что сразу появлялось несколько переводов, печатавшихся в толстых журналах и издававшихся самостоятельными книжками⁶.

Естественно, что и «L'Année terrible» сразу же после выхода книги привлек к себе внимание как редактора «Отечественных Записок» — Некрасова, так и постоянных сотрудников журнала — поэтов-переводчиков.

Первым взялся за перевод отрывков из этой книги Вас. Ст. Курочкин. Уже в июльской книжке журнала за 1872 г. был напечатан отрывок его перевода с подробным заглавием «Из книги Виктора Гюго «Грозный год». Август 1870 г.»⁷.

В. Курочкин начал перевод книги с ее первой главы, отражавшей события августа 1870 г. — поражение французской армии при Седане и последовавшее затем падение Наполеона III.

В примечании к переводу В. Курочкин писал: «Предположив перевести несколько стихотворений и отрывков из новой книги Гюго, я остановил свой выбор на таких, в которых наиболее рельефно выражается, в связи с общим мирозерцанием Гюго, его взгляд на современные события и глубоко оригинальная манера изложения. Затем распространяться о значении самой книги и ее автора считаю излишним. Это было бы все равно, что доказывать важность событий, составляющих ее содержание».

Июльскую книжку «Отечественных Записок» просматривал как редактор сам Некрасов. Она готовилась к печати еще до его отъезда на летние месяцы в Карабаху. Разумеется, поэт не мог не заинтересоваться новой книгой Виктора Гюго и не пожелать ближе познакомиться с нею. Так оно и было, как увидим.

В «Отечественных Записках» за 1872 г. были напечатаны еще два перевода стихотворений из «Страшного года» Гюго: в № 10 (октябрь) было помещено стихотворение «Фалькенфельс», в переводе П. И. Вейнберга, и в № 12 (декабрь) — «Два трофея», в переводе Д. Д. Минаева.

Переводы эти были гораздо слабее, чем очень удачный перевод В. Курочкина. Но и они должны быть упомянуты как свидетельство того интереса, который был проявлен редакцией «Отечественных Записок» к новой книге Гюго.

Собираясь в середине июня 1872 г. отправиться из Петербурга в Карабаху, Некрасов занялся подготовкой материала для творческой работы над «Княгиней Волконской», последней из трех своих «декабристских поэм». Он провел несколько вечеров с сыном М. Н. Волконской — князем Михаилом Сергеевичем Волконским. По просьбе поэта Волконский читал ему французские «Записки» своей матери и тут же переводил их на русский язык, а Некрасов, слушая, делал заметки карандашом в своей тетради.

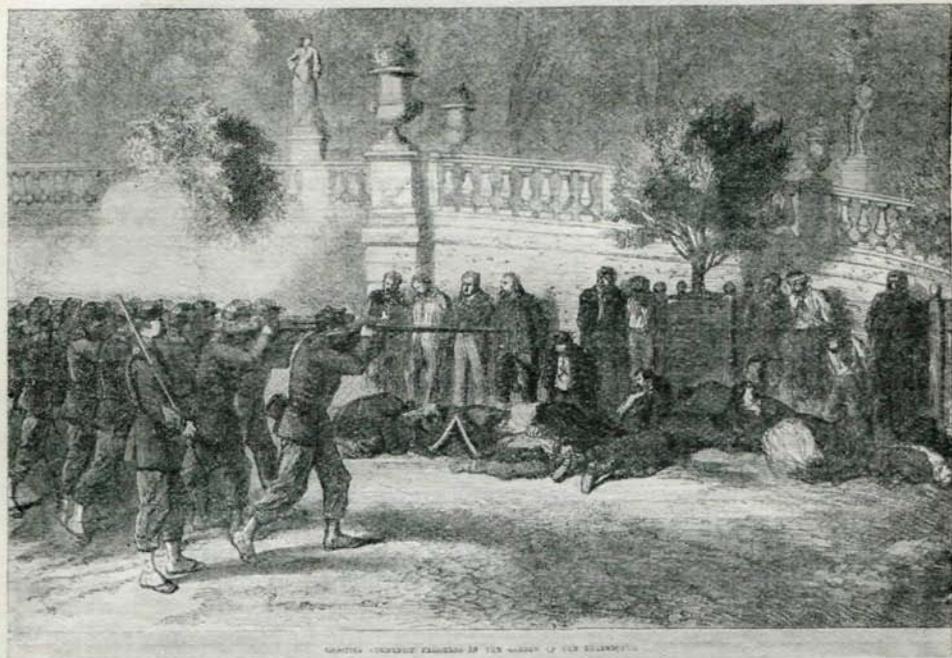
Одновременно Некрасов позаботился обеспечить себя и другими материалами, свидетельствовавшими о наличии у него в эту пору активного интереса к современной Франции и ее бурным событиям.

Перед самой поездкой в Карабаху он обратился к своей сестре А. А. Буткевич в Москву с такой просьбой: «В четверг или в пятницу — и то поджидаем для тебя, — мы едем в Москву и потом в Карабаху. Я очень бы желал, чтобы ты ехала с нами... Купим «L'Année terrible» Виктора Гюго

и будем перелагать в русские стихи дорогой. Да еще у меня есть книжица на французском, с которою ты должна меня ознакомить»⁸.

А. А. Буткевич приняла предложение брата и, присоединившись к нему в Москве, поехала в Карабаху, где пробыла с ним до августа. Что дело было именно так, видно из письма А. Н. Плещеева к Некрасову от 26 июня 1872 г. В письме этом Плещеев просит передать его «искреннее почтение Анне Алексеевне, возвращения которой здесь ждут нетерпеливо»⁹.

Таким образом, А. А. Буткевич выполнила первую часть просьбы Некрасова и поехала в Карабаху. Возникает вопрос, помогала ли она ему (Некрасов плохо знал французский язык, а Буткевич владела им

РАССТРЕЛ ПЛЕННЫХ КОММУНАРОВ В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Современная английская гравюра

Музей ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Москва

свободно) в ознакомлении с книгой Виктора Гюго, которую поэт хотел «перелагать в русские стихи»?

Среди черновых рукописей Некрасова, находящихся в Институте литературы Академии Наук (фонд 203, № 29), сохранился листок почтовой бумаги, на котором имеется карандашная запись таких стихотворных отрывков:

<1>

Гений злобы и бешенства носится,
Над тобою, страна безответная,
Все жестокие страсти разнузданы:
Подозрительность, алчность и мстительность.

<2>

Да едва ль кому и нужен ныне
Этот стих восторженно-призывный

В населенной мертвыми пустыне.
Словно камень брошенный — в пучине
Сгибнет он, бесследный, безотзывный.

Или есть еще, сердца живые

<3>

Но гремел, когда они родились,
Ярый гром, ручьями кровь текла...
Эти души робкие смутились
И, как птички в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

В литературе о Некрасове давно уже существует указание, что приведенные тексты представляют собой отрывки первоначальной редакции двух стихотворений Некрасова: «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Страшный год». Такое указание было сделано еще в 1913 г. К. И. Чуковским¹⁰. Правильно констатировав несомненную связь отрывков с названными стихотворениями, Чуковский, однако, не вполне точно определил самый характер этой связи и сверх того недостаточно аргументированно датировал отрывки 1874 г.

Мы полагаем, что отрывки имеют более раннюю дату и что возникновение их относится к тому моменту, когда у Некрасова еще не было вполне определенного плана использования написанных стихов. Содержа в себе, так сказать, в синкретическом виде и «Страшный год» и «Смолкли честные...», фрагменты опубликованной рукописи, тем не менее, не могут быть сочтены черновиками этих произведений в точном смысле этого слова, так как возникли раньше их замысла и по другому поводу. По какому же?

Сравнительное изучение рукописи Института литературы и «L'Année terrible» В. Гюго приводит нас к заключению, что стихотворные записи Некрасова представляют собою не что иное, как художественную обработку его непосредственных, прямых впечатлений, полученных от книги французского поэта.

По аналогии с упомянутым выше методом работы Некрасова над французскими «Записками» кн. М. Н. Волконской для поэмы о ней, можно представить себе, как рождались эти стихи. Сестра поэта А. А. Буткевич читала ему книгу Гюго и переводила по-русски, а Некрасов тут же записывал свои впечатления и затем (это могло быть и позже) «перелагал» их в стихи. Их связь с впечатлениями и мыслями, возникшими у Некрасова непосредственно от соприкосновения с поэтическими образами книги В. Гюго, особенно отчетливо видна во втором отрывке.

Стихи:

Да едва ль кому и нужен ныне
Этот стих восторженно-призывный... и т. д.

заключают в себе не только прямую и очень точную характеристику патетически-приподнятого стиля сборника Гюго, действительно заполненного «призывами» к Совести, Разуму, Чести и т. п., но и горько-скептическое суждение Некрасова об общественной судьбе этого страстного выступления французского поэта-демократа в условиях реакции, охватившей после разгрома Парижской Коммуны не только Францию, но и всю Европу.

Таким образом, исписанный Некрасовым листок почтовой бумаги является, по нашему мнению, доказательством, что его намерение, выраженное в письме к А. А. Буткевич, ознакомиться с ее помощью с «L'An-

пée terrible» Гюго и затем «переложить в русские стихи» содержание сборника было частично осуществлено в Карабихе летом 1872 г. Этим годом, вернее всего, и должна быть датирована рукопись отрывков, относимая К. И. Чуковским к 1874 г., когда, как увидим, произошло лишь окончательное оформление сделанных в Карабихе два года назад «заготовок» в два самостоятельных стихотворения.

Сей год в Анжере писан
 Кед тогда страна перевернул
 Кет Анжером страхе рождался
 Подвиги там, анжера и мерины

За свои кони и кони кони
 Дотом стили восмудели предвзвиль
 В и армией, мерином пурфил
 Слово кимет бумажной — в паре
 Свободы и свободы бумажной бумажной

Мит сей все суду дивил

Ке земля, анжера рождался
 Дотом стили, рождался кони Жюль
 Анжера рождался Анжера
 И кони там в бумажной
 В Анжера и стили бумажной

АВТОГРАФ, СОДЕРЖАЩИЙ ОТРЫВКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ
 РЕДАКЦИЙ СТИХОТВОРЕНИЙ «СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ...»
 И «СТРАШНЫЙ ГОД»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Другим доказательством знакомства Некрасова с книгой стихов Гюго является само заглавие одного из стихотворений Некрасова, вышедших из этих черновых набросков. «Страшный год» — не что иное, как перевод французского названия книги Гюго «L'Année terrible».

Конечно, такое совпадение заглавий могло бы быть совершенно случайным и не указывать на связь «Страшного года» Некрасова с одноименной книгой Виктора Гюго. Но дело в том, что сам Некрасов устраняет возможность какого-либо сомнения на этот счет.

Кроме основного заглавия, Некрасов дал своему стихотворению в его окончательной редакции подзаголовок «1870», подчеркивая этим, что оно относится к событиям года франко-прусской войны. Но известно, что эта война и возникшая в тесной связи с ней Парижская Коммуна и составляют все содержание «Страшного года» Гюго.

За все время пребывания в Карабихе летом 1872 г. Некрасову, видимо, не удалось заняться обработкой сделанных им при слушании книги Гюго стихотворных набросков. До 17 июля поэт был поглощен «усердным» писанием «Княгини Волконской», а 19 июля «Отечественным Запискам» было объявлено первое предупреждение за июльскую книжку. Секретарь редакции Н. С. Курочкин срочно сообщил Некрасову о причинах административной кары, постигшей журнал, а также информировал его о принятых им мерах предосторожности для августовской книжки.

«Составляется книжка, — писал Н. Курочкин, — таким образом, что в ней не будет ни одной строчки, к которой можно было бы придраться». «Из опасения новой беды» Курочкин, в частности, решил изъять из августовского номера продолжение переводов своего брата из «L'Année terrible», о чем сообщил Некрасову в том же письме¹¹. Некрасов, видимо, санкционировал решение, и, таким образом, вторая часть перевода Вас. Ст. Курочкина из книги Виктора Гюго не увидела свет. Сам же Некрасов в этих условиях также вряд ли был расположен к завершению работы над сделанными набросками, поскольку не было надежды напечатать стихотворения такой тематики в ближайшее время. Как увидим, он вернулся к карабихским записям лишь по прошествии двух лет, в 1874 г.

3

В истории создания стихотворения «Страшный год» можно различить следующие этапы.

Из первоначального синкретического наброска, сделанного летом 1872 г., Некрасов ввел в стихотворение (в переработанном виде) три строфы и дописал две новые. Затем в переписанное уже начисто стихотворение из пяти строф Некрасов вписал на полях еще одну строфу, поместив ее между первой и второй (автограф ИЛИ, фонд 203, № 31 — см. факсимильное воспроизведение). В итоге получилось стихотворение в шесть строф — наиболее ранняя редакция «Страшного года». Характерно, что уже в ней отсутствует та строчка отрывков 1872 г., которая содержала непосредственную характеристику стиля «L'Année terrible»:

Этот стих восторженно-призывный...

Конструкция с указательным местоимением исчезла и была заменена двумя строками о «поэзии» вообще:

Лишь молчит поэзия святая,
Дочь весны, свободы и любви...

Таким образом, прямая и наиболее явная связь стихотворения с впечатлениями, полученными Некрасовым от сборника Гюго, оказалась завуалированной.

Впрочем, в упомянутой новой строфе, вписанной на полях, появились две строчки, которые вновь ощутимо связывали стихотворение с книгой Гюго, на этот раз с самой поэтической манерой ее. Вот эта вписанная строфа:

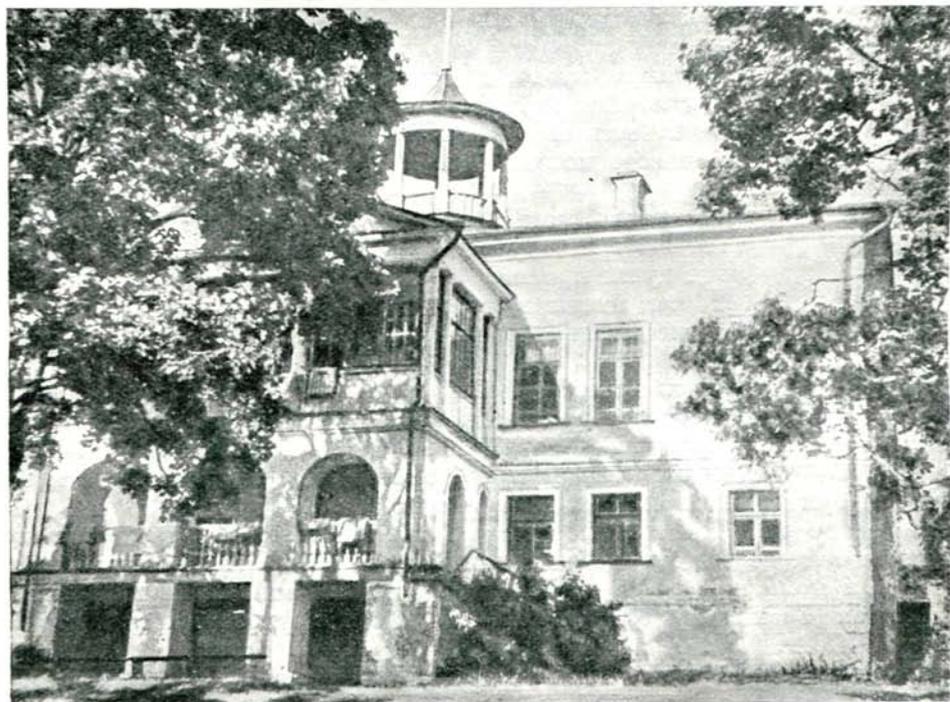
Грозный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков.
О лубовы! — вот все твои усилья!
Разум! — вот плоды твоих трудов!

Вся книга Гюго полна таких восклицаний и полных пессимизма обращений к Любви, Разуму, Совести, Свободе. В произведениях же русского поэта-реалиста эти риторические «призывы» совершенно необычны.

Окончательная редакция «Страшного года», результат еще одной переработки, содержит уже семь строф, причем в новой строфе, несмотря на то, что стихотворение имеет в виду в первую очередь события 1870 г., т. е. франко-прусской войны, имеется уже и ясное указание на острую классовую борьбу во время Парижской Коммуны и на «мстящую трусость» французской буржуазии, купающейся в крови побежденных в бою коммунаров¹²:

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стоит над миром не смолкая...
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

В результате упорной работы над произведением Некрасов добился того, что в сжатой форме одного небольшого стихотворения дал яркий образ Франции «страшного» 1870—1871 года. В одном этом стихотворении Некрасов художественно сконденсировал, в сущности, все элементы общей картины кровавого разгрома Франции пруссаками и кровавого разгрома Коммуны версальцами. Ознакомление с реалиями этой картины приходило к Некрасову, как ко всякому современнику, из многих источников. Но среди них, по силе художественного воздействия, публицистической заостренности и гневному пафосу ненависти к преступникам войны и насильникам свободы, на первом месте стояла книга злободневной политической лирики поэта-трибуна французской демократии. Вне-

ДОМ-УСАДЬБА НЕКРАСОВА В КАРАБИХЕ. ФАСАД ГЛАВНОГО ЗДАНИЯ
С фотографии 1910-х гг.

чатления от нее входят в число непосредственных творческих импульсов, способствовавших созданию «Страшного года» Некрасова.

Напомним окончательный текст стихотворения:

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любви! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны,
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины.

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая...
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь, сомненья роковые!
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила...
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

У нас нет достаточных данных, чтобы судить о времени окончательной обработки стихотворения. К. И. Чуковский полагает, что оно было написано в 1874 г., «судя по его рукописям»¹³. К этому именно году он, как мы уже упоминали, относит и первоначальный набросок на листке почтовой бумаги, который мы датировем 1872 г.

Некрасову не удалось напечатать «Страшный год» в «Отечественных Записках». Но через два года он нашел способ опубликовать его в другом месте. Он поместил его в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», изданном группой литераторов в СПб. в 1876 г. (стр. 73).

Появление «Страшного года» в воинствующем славянофильском сборнике, призывавшем к вооруженной борьбе против турок в защиту славян, как бы давало стихотворению определенный «адрес» и тем самым вуалировало от цензуры его подлинный смысл. Однако, обойдя цензуру, Некрасов ввел в заблуждение и всех будущих исследователей своего творчества.

Вопреки своему содержанию, дате написания и, наконец, имеющемуся в рукописи подзаголовку «1870», принадлежащему самому Некрасову, «Страшный год» долго рассматривался в связи с надвигавшимися событиями русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Так, во всех «однотомниках» стихотворений Некрасова, вышедших с 1920 по 1935 гг., «Страшный год» сопровождается таким комментарием редактора:

«Есть основание думать, что дата франко-прусской войны (1870 г.) указана Некрасовым лишь для обхода цензуры, а на самом деле это был протест против надвигавшейся войны за освобождение славян (1877—1878)»¹⁴.

Доказывать ошибочность такого комментария после всего сказанного не приходится. Да и само содержание «Страшного года» лучше всего опровергает традиционное толкование. Как бы широко ни раздвигать рамки теоретически допустимых датировок стихотворения — от 1872 г. до 1876 г. (год появления в печати), все равно оно писалось в период, когда в русской жизни не было ровно ничего такого, о чем пишет Некрасов: ни «резни», ни «впечатлений крови и убийства», ни «торжества картечи и штыков» и т. п. Предполагать же, что такой требовательный к реализму и политической конкретности своих образов поэт, как Некрасов, встал здесь на путь художественных антиципаций, предвосхищений грядущих событий, — значит выходить за пределы не только реально-исторического комментария, но и художественного метода поэта.

Отметим и другое. В собраниях стихотворений Некрасова, издания «Academia», 1935 г., и Детиздата, 1938 г., цитированного комментария уже нет. Но зато в обоих «собраниях» допущена другая ошибка. При хронологическом порядке размещения стихотворений (по датам их написания) «Страшный год» отнесен к 1870 г., в то время как даже первоначальные наброски произведения не могут быть датированы, как мы показали, ранее июня 1872 г. Таким образом, помета Некрасова «1870», служившая для читателя своего рода реально-историческим комментарием к стихотворению, произвольно и ошибочно превращена в дату его написания. Тем самым читатель лишен был возможности (в произведении, созданном «в 1870 году»!) увидеть в «Страшном годе» имеющийся там, как указано выше, отклик не только на франко-прусскую войну, но и на поражение Коммуны в мае 1871 г.

4

Творческая история стихотворения «Смолкли честные...» менее сложна. Четыре строки отрывка, написанного в Карабихе летом 1872 г., превратились в тринадцать строк очень сильного и яркого революционного стихотворения.

При использовании первоначального наброска исчезла четвертая строка:

Подозрительность, алчность и мстительность...

а остальные три строки были использованы с изменениями и в другой комбинации.

В бумагах Некрасова сохранился чрезвычайно интересный и важный автограф стихотворения (ИЛИ, фонд 203, № 37, см. факсимильное воспроизведение). Оно написано карандашом на обороте наборной рукописи стихотворений «Уныние» и «На покосе». Несмотря на то, что рукопись имеет вид черновика, она дает, если читать ее с поправками, внесенными в первоначальную запись, окончательный текст произведения.

И вот, оказывается, что, закончив свою творческую работу, записав полностью окончательный текст, Некрасов под воздействием еще владевшей им инерции свободного замысла, не стесненной оглядкой на цен-

зуру, дает своим стихам заглавие «С о в р е м е н н а я Ф р а н ц и я». Но, конечно, такое название было совершенно невозможным в цензурном отношении. Оно прямо и точно указывало, что стихи воспевают «честь и славу» «доблестно павших» парижских коммунаров, скорбят об их гибели и одновременно гневно бичуют «злобу и бешенство» версальской кровавой контрреволюции.

Некрасов подчеркивает одиозное заглавие и тут же шифрует его знаком***, с добавлением в скобках: «(С ф р а н ц у з с к о г о)». Этим добавлением Некрасов, несомненно, хотел не столько обозначить охарактеризованную выше связь своего стихотворения с книгой В. Гюго, сколько дать читателю сигнал для правильного понимания стихов, относящихся к Франции, к Коммуне. Однако, как видим, «сигнал» этот до современников не дошел, а позднейшими исследователями не был правильно понят.

Отметим далее, что первая строка окончательного варианта стихотворения, как это видно из воспроизводимого автографа, читалась сперва так:

Честь и слава вам, доблестно павшие...

Это непосредственное обращение поэта к «павшим» бойцам революции в стихотворении начала 70-х годов, озаглавленном «Современная Франция», могло относиться только к парижским коммунарам. Уже эта строка, кстати сказать, обнаруживает несостоятельность традиционного отнесения стихотворения к подсудимым «процесса 50-ти». Известно, что процесс этот не имел смертных приговоров. Некрасов адресует свою строку «доблестно павшим» в неравной борьбе с версальцами коммунарам. Впрочем, и вся окончательная редакция стихотворения звучит не менее определенно.

Приведем транскрипцию автографа (ИЛИ, фонд 203, № 37):

[СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ]

* * *

(С французского)

Смогли честные, доблестно павшие!
[Честь и слава вам],
Смогли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнужданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...
[Вихрем злобы и бешенства]
Слышно только, о ночь безрассветная!
Среди мрака, тобою разлитого,

Как враги торжествуя скликаются,
меж собою
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются. ¹⁵

Как следует датировать эту редакцию? Ответ, казалось бы, дает сам Некрасов. В его бумагах, находящихся в Пушкинском Доме, сохранился листок почтовой бумаги, где поэт перечисляет стихи, сочиненные им в 1874 г. (фонд 203, № 42). Среди них упомянуто и стихотворение «С французского» (Смогли честные...), первоначальный набросок которого, как мы думаем, восходит еще к 1872 г. Однако неизвестно, какую именно

редакцию датирует Некрасов 1874 г. Дело в том, что опубликованный нами автограф написан, как уже отмечалось, на обороте наборной рукописи стихотворений «Уныние» и «На покосе», и, значит, возникновение его должно быть приблизительно одновременным этой рукописи. Но стихотворения «Уныние» и «На покосе», написанные также в 1874 г., появились в печати: первое — в январе 1875 г., а второе — в июне 1876 г. Тем не менее, нет оснований оспаривать датировку самого Некрасова. Правильнее предположить, что наборная рукопись «Уныние» и «На покосе» фиксирует значительно более раннюю, чем это нам известно, попытку Некрасова напечатать названные стихотворения.

27 мая 1875 г. Некрасов был у библиографа П. А. Ефремова и записал ему два стихотворения: «Смолкли честные...» и «Пророк», также относящийся к 1874 г. (лист, вклеенный в принадлежавший П. А. Ефремову экземпляр «Стихотворений Н. Некрасова», СПб. 1874, ч. VI — Библиотека Института литературы АН СССР). Таким образом, «Смолкли честные...» были подарены впервые П. А. Ефремову. Важно подчеркнуть, что и в этой записи, отнюдь, разумеется, не предназначенной для публикации и не требовавшей никакой цензурной маскировки, Некрасов также пометил вначале: «(С французского)». После смерти поэта Ефремов пытался опубликовать стихотворение в «Русской Старине», но безуспешно: оно не было пропущено цензурой.

По свидетельству В. Е. Евгеньева-Максимова, относящемуся еще к 1914 г., в его распоряжении была еще одна редакция стихотворения «Смолкли честные...». «В наших руках, — писал он, — имеется корректурный оттиск его, приспособленный поэтом для печати. В оттиске стихотворение названо переводом «с французского», ему дано заглавие «2-е декабря 1852 г.», ссылаясь на которое можно было утверждать, что пьеса вызвана отнюдь не впечатлениями русской жизни, а знаменитым *coup d'état* Наполеона III, и, наконец, несколько смягчено первое трехстишие, читающееся так:

Растворились тюрьмы глубокие...
Смолкли честное знамя державшие,
За страну неуклонно стоявшие...

Однако и в таком виде рассматриваемое стихотворение своевременно появиться в печати не могло»¹⁶.

Этот комментарий В. Е. Евгеньева-Максимова представлялся до сих пор совершенно бесспорным и дословно цитировался К. И. Чуковским во всех одномомниках Некрасова под его редакцией.

Между тем, комментарий этот, дающий в руки исследователю ценные материалы, одновременно неверно освещает их и содержит ряд мелких неточностей.

Прежде всего, подчеркнем, что и в корректурном оттиске, свидетельствующем о попытке Некрасова напечатать стихотворение, оно тоже обозначено: «(С французского)». Значит, и в третьем известном нам источнике стихотворения (не считая копии А. А. Буткевич) Некрасов не забыл сохранить, очевидно, весьма важный в его глазах намек на Францию как на реально-исторический фон, на котором должно восприниматься стихотворение. Что касается заглавия «2-е декабря 1852 г.» (кстати это не дата знаменитого *coup d'état*, произошедшего годом раньше, 2 декабря 1851 г., а дата провозглашения Луи-Наполеона императором Франции), то это, конечно, только ложная расшифровка намека, введенная Некрасовым единственно для обхода цензуры.

Ошибочная интерпретация стихотворения как непосредственного отклика на текущие события русской политической жизни не позволила В. Е. Евгеньеву-Максимову правильно воспринять и комментировать

приводимый им вариант корректурного оттиска. Исследователь называет его «смягченным вариантом». Между тем, по сравнению с заменявшими или заменившими его стихами общеизвестной редакции, приводимое В. Евгеньевым-Максимовым трехстишие характеризуется, несомненно, своей большей политической остротой и конкретностью. Строки:

Растворились тюрьмы глубокие...
Смогли честное знамя державшие...

— по нашему мнению, не могут быть поняты иначе, как прямое указание Некрасова на известные факты из истории подавления Парижской Коммуны — на массовые расстрелы пленных коммунаров в тюрьмах Ла-Рокетт и Сатори. Эти факты имели место в конце мая 1871 г. О них много писали современные французские и английские газеты. Они потрясли Глеба Успенского, который, будучи в 1872 г. в Париже, предпринял даже специальное паломничество к этим тюрьмам, ставшим голгофой коммунаров, и о сильнейших впечатлениях своих с болью и гневом тогда же написал в письмах в Россию. От Глеба Успенского, а также от П. Боборыкина, по их возвращении из Парижа, скорее всего и узнал Некрасов об этой расправе с коммунарами и сделал попытку отразить и этот трагический эпизод в своем стихотворении о Коммуне и ее павших бойцах.

Таким образом, «корректурный оттиск» В. Е. Евгеньева-Максимова (оставшийся, к сожалению, неизвестным нам в подлиннике), вопреки комментарию, которым он снабжен при его публикации, дает дополнительные и яркие аргументы в защиту основного тезиса нашей статьи.

5

Стихотворение «Смогли честные...» имело своеобразную литературную судьбу. При жизни Некрасова оно не могло быть опубликовано

1871 г. (ПАВШИЕ КОММУНАРЫ)
Современный офорт неизвестного художника
Музей ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Москва

в России и впервые появилось только в 1879 г. в зарубежной «Земле и Воле»¹⁷.

Повидимому, редакция этого издания имела в своем распоряжении вполне исправный список стихотворения, так как оно напечатано без ошибок, кроме одного разночтения в сравнении с рукописью, а именно: в одиннадцатой строке вместо начального слова «как» напечатано «так»;

Так на труп великана убитого... и т. д.

Это, на первый взгляд несущественное, разночтение на самом деле резко искажает мысль Некрасова. Говоря о том,

Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого,
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

— поэт непосредственно подразумевает под «великаном убитым» Парижскую Коммуну, вокруг «трупа» которой торжествуют «кровожадные птицы» и «ядовитые гады» победившей буржуазно-помещичьей контрреволюции. А вариант «Земли и Воли» превращает строки о «великане убитом» в простое литературное сравнение.

Кроме того, в «Земле и Воле», вместо заглавия, над стихотворением поставлены три звездочки и подзаголовок: «П о с в я щ а е т с я п о д с у д и м ы м п р о ц е с с а 50-ти». В примечании сказано: «Из неизданных стихотворений Н. А. Некрасова».

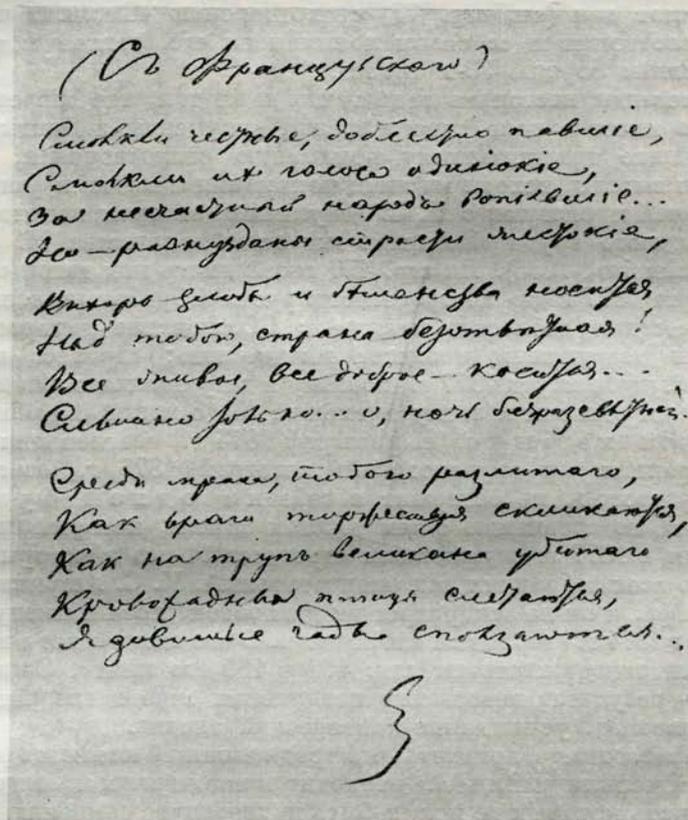
Слова: «Посвящается подсудимым процесса 50-ти» принадлежали самой редакции, а отнюдь не Некрасову. Но у редакции «Земли и Воли» не было достаточных объективных оснований ни для такого заголовка, ни, особенно, для прямых утверждений, что стихотворение «написано под впечатлением арестов и процессов над русской революционной молодежью». Публикация «Земли и Воли» положила начало народнической легенде о том, что Некрасов написал стихотворение «Смолкли честные...» под впечатлением «процесса 50-ти» и «посвятил» его участникам этого процесса. Легенда эта неоднократно повторяется в мемуарах революционеро-семидесятников.

Вторично стихотворение было напечатано опять в зарубежном издании — в газете «Общее Дело» в марте 1882 г. Здесь оно использовано чисто публицистически в качестве передовой статьи «Новый год».

«Не имея возможности выпустить январский номер «Общего Дела», — говорится в этой передовой, — мы не могли своевременно представить нашим читателям наше обозрение истекшего года и наши виды на Новый год. В настоящее время мы, вместо всего этого, представляем им нижеследующее стихотворение Некрасова. В нем они найдут и обозрение старого года и поразительную картину русской жизни, которой начинается новый».

Самое стихотворение напечатано с большими искажениями и с пропуском двух строк из тринадцати. В примечании к стихотворению редакция «Общего Дела» дает совершенно произвольный комментарий, который следует привести целиком: «Это — одно из последних стихотворений Некрасова. Мучимый жестокой болезнью поэт, как известно, тяжело страдал от мысли, что не всегда был верен своему призванию и не заслужил благодарной памяти лучших людей России. Едва узнала об этом публика, как множество горячих заявлений в уважении, любви и признательности посыпалось на него отовсюду и преимущественно со стороны русской молодежи. Тогда-то он и написал эти прекрасные стихи. Они — последняя вспышка благородного гения поэта, осветившая ту безрассветную ночь, о которой говорится в них и среди которой мы живем теперь»¹⁸.

В стремлении дать боевую «передовую» сотрудник «Общего Дела» увлекся и допустил ряд неточностей. «Смолкли честные...», как мы видели выше, в отрывке было написано еще в 1872 г., а в окончательной редакции — в 1874 г. Поэтому нельзя называть это стихотворение «одним из последних» или «последней вспышкой благородного гения поэта». Нельзя было утверждать и то, что непосредственным поводом к написанию стихотворения явилась политическая реакция в России.

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ «СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ...»
ОЗАГЛАВЛЕННЫЙ «(С ФРАНЦУЗСКОГО)»

Автограф был подарен Некрасовым в 1875 г. П. А. Ефремову
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Одним из издателей-редакторов «Общего Дела» был доктор Н. А. Белоголовый, друг Щедрина и лечащий врач Некрасова в последние годы его жизни. Характерно, что в его газете ничего не сказано о «посвящении» стихотворения участникам «процесса 50-ти».

Но убеждение в том, что «Смолкли честные...» умирающий Некрасов посвятил подсудимым в этом процессе, было широко распространено среди революционеров конца 70-х и начала 80-х годов. Из их мемуаров, писем и дневников оно перекочевало и в научно-критическую литературу о Некрасове и прочно закрепилось здесь. В плену этой народнической легенды и по сей день находятся литературоведы.

«Процесс 50-ти», — писал В. Е. Евгеньев-Максимов еще в 1918 г., — возбудил целый ряд поэтических откликов, из которых назову известное стихотворение Полонского «Что мне она — не жена, не любовница»

и не менее известное стихотворение Боровиковского «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский». Не мог на него, конечно, не откликнуться и Некрасов. Хотя состояние его здоровья было более чем плохо, и страдания, которые ему приходилось выносить, поистине безмерны, тем не менее его стихотворение, посвященное судившимся по «процессу 50-ти», озарено огнем истинного вдохновения и, на мой взгляд, представляет собой одну из лучших лирических пьес Некрасова»¹⁹.

А в своей книжке 1921 г. «Некрасов. К столетию рождения» В. Е. Евгеньев-Максимов дал (см. стр. 77) стихотворению «Смолкли честные...», в полном соответствии со своим пониманием его, заглавие: «Погибшим революционным борцам 70-х годов».

Гипноз легенды настолько велик, что даже там, где современный исследователь имеет в поле своего зрения документы и факты, очевидно противоречащие традиционному пониманию стихотворения, он строит иногда свои выводы, исходя из этого понимания и вопреки фактам. Такой именно случай произошел с Н. С. Ашукиным, автором капитального научно-справочного труда «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова» («Academia», 1935). На стр. 497 своей книги под датой «февраль — начало марта 1877 года» автор регистрирует: «Обработано стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие...» Обоснование датировки: стихи «посвящены подсудимым процесса пятидесяти»; «процесс происходил с 21 февраля по 10 марта 1877 г., поэтому и дату окончательной обработки стихотворения относим к этому времени». Но о какой обработке 1877 г. идет речь? Ее не было. И автограф 1874 г., озаглавленный «Современная Франция, и «эфремовский» автограф 1875 г., озаглавленный «С французского»), не содержат в себе ни одной буквы в а р и а н т о в по сравнению с тем текстом списка, который был передан Некрасовым в 1877 г. осужденным «процесса 50-ти» и который ныне печатается во всех собраниях как окончательный. Н. С. Ашукину известны оба автографа, и он не оспаривает их датировок, хотя и именуется почему-то рукопись 1874 г. «черновым наброском». О его знакомстве с названными автографами свидетельствуют стр. 451 и 460 его книги. Ошибка исследователя — результат невольного подчинения силе и авторитету традиционного взгляда, усыпавшим критический анализ.

Необходимо, однако, признать, что традиционный комментарий к стихотворению «Смолкли честные...» восходит к источникам и свидетельствам, авторитетность которых не может быть подвергнута сомнению в основном и существенном.

Приведем основные относящиеся сюда показания современников, удостоверяющие, что Некрасов действительно послал свое стихотворение находящимся в тюрьме участникам «процесса 50-ти».

«Когда началось известное движение «в народ» и последовали затем многочисленные аресты и процессы, — свидетельствует Л. Дейч, — только Некрасов не побоялся по адресу преследуемых сказать, несмотря на цензурные тиски, по этому поводу горячее слово одобрения, сочувствия:

Смолкли честные, доблестно павшие...

Уж и как же мы тогда были признательны Некрасову за дружелюбное его к нам отношение. Оно тем более ценно, что никто другой из тогдашних крупных писателей не выступал на защиту революционеров, а некоторые из них относились к нам даже крайне враждебно. Так, к слову, поняли мы тогда нашумевший новый роман Тургенева «Новь», появившийся в «Вестнике Европы» за 1876 г., как написанный человеком, отрицательно относящимся к нашим стремлениям»²⁰.

В. Н. Фигнер в своих воспоминаниях, подтверждая свидетельство Л. Дейча, авторитетно уточняет его. Она прямо относит стихотворение

«Смолкли честные...» к подсудимым «процесса 50-ти» и рассказывает, каким путем Некрасов передал им стихотворение. «Жена писателя Елисеева, редактора «Отечественных Записок», передала мне от Некрасова, лежавшего тогда на смертном одре, стихотворение к судившимся по процессу 50-ти», — говорит В. Н. Фигнер²¹.

Как известно, одной из обвиняемых в «процессе 50-ти» была Лидия Николаевна Фигнер, родная сестра Веры Фигнер. Естественно всего поэтому предположить, что В. Н. Фигнер передала рукопись стихотворения своей сестре, находившейся в тюрьме, во время свидания с нею, а Лидия Фигнер, в свою очередь, сообщила стихотворение другим участникам процесса.

В. Богучарский передает со слов рабочего Петра Алексеева, с которым он встретился в Якутской ссылке, что стихотворение «Смолкли честные...» было передано и м е н и о е м у, как одному из главных героев процесса, произнесшему знаменитую речь²².

Другой подсудимый в этом деле, И. С. Джабадари, пишет в своих мемуарах: «Сочувствие публики к Петру Алексееву после произнесенной им речи было так сильно, что на другой день вся камера его была завалена табаком, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индейками, конфетами и печеньем, а также платьем и бельем. Петруха <Алексеев>, вскормленный на черном хлебе, иногда, быть может, пополам с лебедой, дивился, какими сладостями питаются бары, купцы и попы, и шутя говорил, что если бы его всегда кормили так на убой, он, пожалуй, и не произнес бы своей речи»²³.

Вполне вероятно, что и Некрасов, посылая свое стихотворение с женой Г. З. Елисеева, просил доставить его именно Петру Алексееву.

«Процесс 50-ти» происходил с 21 февраля по 10 марта 1877 г., и в последний день его Петр Алексеев произнес свою речь, с ее знаменитыми заключительными словами: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Как видно из обвинительного заключения и официального судебного отчета о процессе, на суде была в очень слабой степени раскрыта революционно-пропагандистская работа П. Алексеева в кружках ткачей и рабочих железнодорожных мастерских Москвы и Петербурга²⁴. Поэтому в глазах обвинения в течение всего процесса П. Алексеев занимал очень скромное место; его ожидало, вероятно, сравнительно небольшое наказание.

Все резко изменила его ярко-революционная речь — «последнее слово», и он был приговорен к самой высокой по этому процессу каре — 10 годам каторги. Эта речь и жестокость приговора сразу сделали имя П. Алексеева широко известным и вызвали к нему общее сочувствие передовой интеллигенции. Конечно, сразу же узнал его имя и Некрасов. Нет сомнений, в частности, что о речи П. Алексеева беседовал с Некрасовым Щедрин, навещавший умиравшего поэта едва ли не ежедневно. А на Щедрина речь Алексеева произвела сильное впечатление.

В письме от 15 марта 1877 г., т. е. на пятый день после приговора по «процессу 50-ти», Щедрин писал П. В. Анненкову: «А у нас, между тем, политические процессы своим чередом идут, — на днях один кончился (вероятно, по газетам знаете) каторгами и поселениями, только трое оправдано, да и тех сейчас спровадили в места рождения. Я на процессе не был, а, говорят, были замечательные речи подсудимых, в особенности одного крестьянина Алексеева и акушерки Бардиной»²⁵.

Подчиняясь порыву восхищения мужеством рабочего-революционера и его товарищей, глубоко сочувствуя их судьбе, испытывая к ним то высокое уважение, с которым он всегда относился к людям революционного

подвига и дела, Некрасов захотел выразить волновавшие его чувства и мысли непосредственно самим осужденным. «Певец русской революции», он избрал и для этого случая слово художника-поэта. Он передал в тюрьму осужденным революционерам одно из наиболее ярких своих революционных стихотворений, оставшееся по этой именно причине непечатаемым. Хотя и написанное по другому поводу, оно было уместно, актуально и применимо в данной ситуации. Ведь оно прославляло доблесть, героизм и благородство бойцов революционной армии в их неравной битве с силами «царюющего зла».

С Некрасовым неоднократно ведь бывало, что он связывал написанное раньше и по другому поводу стихотворение с какими-либо позднейшими событиями. Когда в 1875 г. больной Щедрин уезжал лечиться в Европу, Некрасов написал ему известное стихотворение «М. Е. Салтыкову при отъезде за границу». Казалось бы, что по самому жанру оно должно было быть почти что экспромтом, вызванным данным конкретным поводом. Однако оказывается, что целых две строфы из трех, образующих стихотворение:

...журнальный путь...
 На путь, где шагу мы не ступим
 Без сделок с совестью своей,
 Но где мы снисхожденья купим
 Трудом у мыслящих людей.
 Трудом — и бескорыстной целью...
 Да! будем лучше рисковать,
 Чем безопасному безделью
 Остаток жизни отдавать...

— отнюдь не были сочинены для данного случая Некрасовым. Они были взяты из отсеченных им самим стихов его «современной повести» «Суд», написанной в 1867 г., т. е. за восемь лет до того и совершенно по другому поводу. Сейчас Некрасов связал эти неиспользованные в печати восемь стихов с другим событием.

Так поступил Некрасов и в данном случае. Неиспользованный, в силу очевидной цензурной невозможности, отклик на падение Коммуны и гибель коммунаров поэт как бы «переадресовал» в 1877 г. людям русского революционного подвига тех дней. Но очевидно, что такая «переадресовка» не отнимает у стихотворения его первоначального и основного смысла, и если он все же оказался на десятилетия заслоненным и неведомым для читателя, то лишь в силу все еще недостаточной разработанности некрасовского наследия, с одной стороны, и стойкости созданной современниками традиции, с другой.

Биографам Некрасова известны и другие аналогичные случаи, когда поэт передавал списки своих стихотворений представителям того коллективного «читателя-друга», которому он, в соответствующих условиях, хотел выразить свое общественное сочувствие или подчеркнуть свою солидарность. Один из этих случаев тем более интересен, что относится к тому же стихотворению «Смокли честные, доблестно павшие...».

В начале февраля 1877 г. Некрасова посетила депутация студентов и поднесла ему адреса от четырех высших учебных заведений: Петербургского университета, Медико-хирургической академии, Харьковского университета и Харьковского ветеринарного института, с многочисленными подписями студентов. Некрасов подарил депутации автограф стихотворения «Вам, мой дар ценившим и любившим», написанного 1 февраля того же года. Эти сведения, помещаемые во всех биографиях Некрасова, не вполне, однако, точны. Они должны быть дополнены «Справкой о Некрасове» Н. Михайловского, напечатанной во 2-м томе его «Откликов»²⁶.

В ней указывается, что по поводу нахождения автографа стихотворения «Вам, мой дар ценившим и любившим» Михайловский «получил

несколько писем, подтверждающих верность списка, а двое из корреспондентов сообщают, кроме того, что студенческая депутация, поднесшая Некрасову, по случаю его тяжелой болезни, адрес, получила от него в подарок не одно, а два стихотворения. Оба корреспондента сообщают совершенно тождественные списки обоих стихотворений, из чего можно заключить, что их было действительно два. Вторым из этих стихотворений было «Смолкли честные...».

Таким образом, в том же 1877 г. стихотворение «Смолкли честные...» было передано Некрасовым не только народникам-революционерам, но и революционно настроенной студенческой молодежи России. Очевидно,

А. А. БУТКЕВИЧ, СЕСТРА НЕКРАСОВА

Фотография 1870-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

однако, что факт этот не может быть поставлен в какую-либо генетическую связь с историей возникновения произведения и что политическая жизнь русского студенчества 70-х годов, хотя и богатая революционными эпизодами, находится за пределами конкретно-исторических реалий стихотворения.

То же следует сказать и о версии, связывающей «Смолкли честные...» с «процессом 50-ти».

При обычном соотнесении стихотворения к современным ему событиям русской политической жизни невозможно дать сколько-нибудь убедительный реально-исторический комментарий к его образам. Стихотворение написано в 1872—1874 гг. Это был период нового общественного оживления, период «второго демократического подъема» (Ленин) в России, знаменованный «хождением в народ». А Некрасов рисует картину подлинной вакханалии реакции и белого террора, создает исключительный по силе и яркости образ воинствующей, торжествующей контрреволюции и пишет о ее массовых кровавых жертвах, о «доблестно павших», о «великане убитом». Эти картины и обозначения, принимая во внимание точность, можно сказать, пропагандистскую конкретность некрасовских реал-

листических образов, не раскрываются на русском историческом материале 1872—1874 гг.

Однако совершенно понятно и то, почему стихотворение было воспринято русскими революционерами-современниками, как относящееся непосредственно к ним, и почему в нем увидели непосредственный отклик на политическую обстановку в царской России 1870-х годов. Самый факт передачи Некрасовым списка стихотворения подсудимым «процесса 50-ти» достаточно удовлетворительно отвечает на первый вопрос. Ответ на второй содержится в том обобщенном образе воинствующей реакции, данном в стихотворении, который одинаково ярко характеризовал как Францию версальских палачей, так и отечественную контрреволюцию конца 1870 — начала 1880-х гг. («Письмо Ваше, — сообщал, например, Щедрин П. В. Анненкову 17 февраля 1877 г., — застало меня среди неистовств белой анархии, которая, кажется, надолго воцарилась у нас»).

Таким образом в качестве заключительного вывода можно утверждать, что стихотворение Некрасова «Смокли честные, доблестно павшие...» имеет как бы два «адреса»: первоначальный и основной, французский, — парижским коммунарам и вторичный, русский, — народническим революционерам.

6

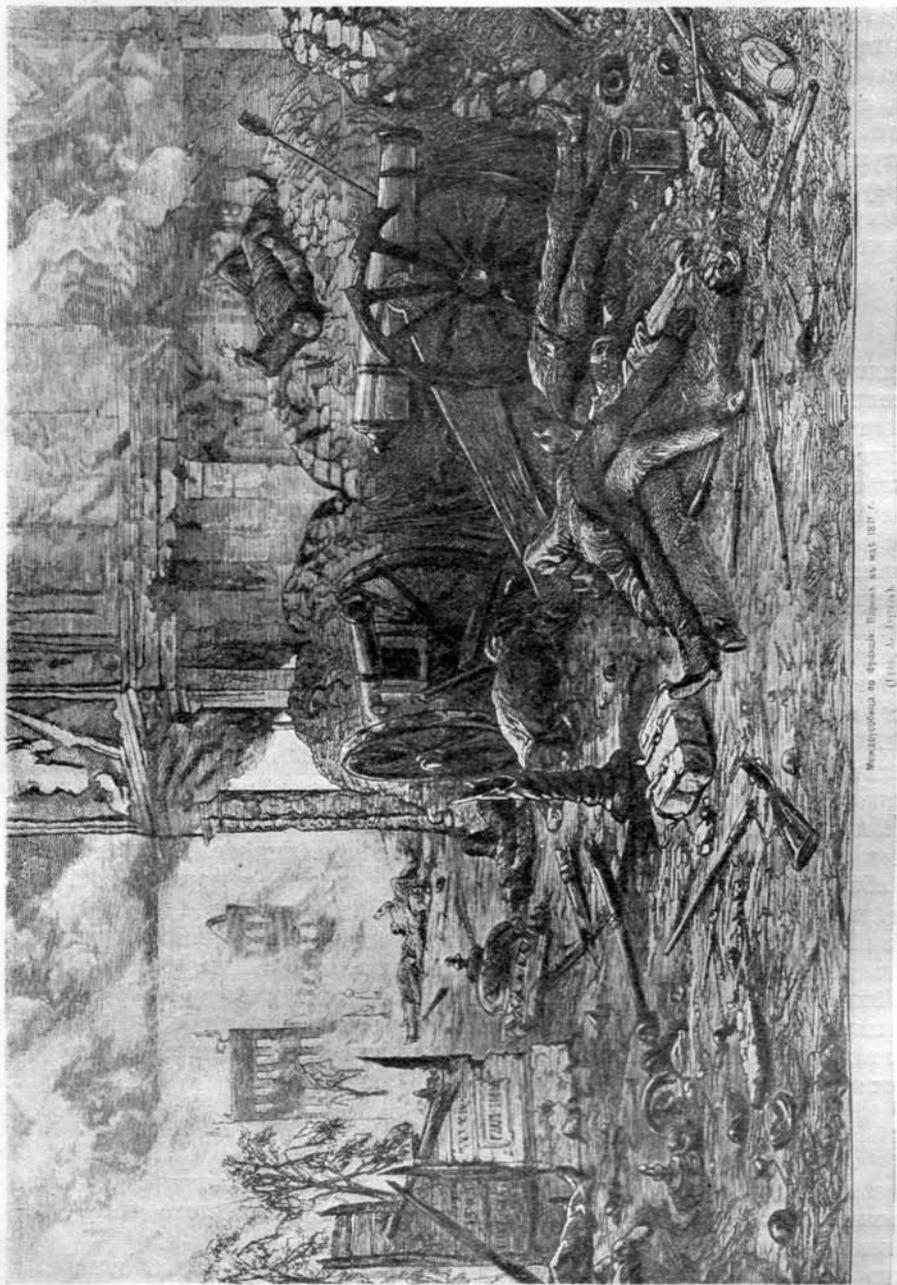
Наше изучение стихотворений «Страшный год» и «Смокли честные...» требует еще дополнительной характеристики и иллюстраций отмеченной выше связи этих произведений с В. Гюго.

Как следует назвать эту связь? В чем и как она выразилась?

Сам Некрасов в уже упомянутом выше письме 1872 г. к сестре, А. А. Буткевич, определил, как мы видели, свое творческое намерение в отношении заинтересовавшей его книги Гюго так: «Купим *«L'Année terrible»* и будем перелажать в русские стихи...» (выделено нами. — И. В.). Выше было показано, что намерение свое Некрасов в какой-то мере осуществил: при помощи А. А. Буткевич он ознакомился летом 1872 г. в Карабихе с новой книгой Гюго.

Вряд ли можно сомневаться в том, что столь активный интерес, проявленный Некрасовым к *«L'Année terrible»*, был вызван не просто тем, что это была свежая новинка прославленного французского поэта, столь популярного и любимого в демократических кругах тогдашней России. Новый сборник политической и социальной лирики Гюго привлек пристальное внимание Некрасова прежде всего потому, что он был посвящен событиям, приковавшим к себе страстно заинтересованное внимание всей революционной и демократической России, — событиям Парижской Коммуны. Эти события, особенно же кровавая расправа с коммунарами, вызвавшая взрыв ненависти к версальским палачам в широких кругах русской демократической интеллигенции, и явилась непосредственным прямым поводом создания Некрасовым стихотворений «Страшный год» и «Смокли честные...».

Их замысел возник, как всегда у Некрасова, вполне самостоятельно и органически, из гущи самой жизни, из настоятельной потребности отозваться на явления общественной жизни, а не из литературного источника, какой бы силы яркости он ни был. Но Некрасов знал книгу стихов Гюго. Более того, приведенный к ней своей заинтересованностью в событиях, которые она описывает, и высоко оценив ее, видимо, еще до карабихских чтений с А. А. Буткевич (скорее всего, через свою осведомленность в переводах В. Курочкина из *«L'Année terrible»* для «Отечественных Записок»), Некрасов не просто захотел поближе узнать злободневные стихи Гюго.

Медальонная гравюра по рисунку Писона из май 1871 г.
(Гилл, А. Дюпюа).

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ В РУССКОЙ ПЕЧАТИ

Гравюра А. Даугеля «Париж в мае 1871 г.», помещенная в № 429 «Всемирной иллюстрации» 19 июня 1871 г.

Он сам сказал, что намеревался использовать этот художественный источник для собственной творческой работы.

«Перелагать» — не значит переводить. «Перелагать стихи» так, как это делал Некрасов, не значит и подражать. «Самый русский из всех русских писателей», Некрасов был им не только по языку и национальности, но и по художественному материалу своей поэзии и по глубочайшей, органичной своей связи с русской жизнью. Переводчиком или подражателем иностранных поэтов в обычном смысле он никогда не был. Правда, с помощью Григоровича он переводил в молодости французские водевили, но в его литературной биографии это еще пора «Перепельского», «Пружинина», и т. д., а не Некрасова. А когда в годы творческой зрелости ему случилось, всего несколько раз, обратиться к «переложению» произведений иностранных авторов, то английский поэт Джордж Крабб заговорил под его пером такими, например, стихами:

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила... и т. д.

Очевидно, что ни о переводном, ни о подражательном характере «Забывтой деревни» Некрасова, которую начинают эти строки, не может быть и речи. Ознакомление (при помощи А. В. Дружинина) со стихами Крабба могло сыграть тут лишь роль внешнего толчка, определенного впечатления, вызвавших у Некрасова свои ассоциации, свои образы и давших повод для своего, собственного, вполне самостоятельного творчества.

В плане такого соотношения следует понимать и отмеченную нами связь «Страшного года» и «Смолкли честные...» с «L'Année terrible» Гюго. Сильные и яркие образы французского поэта, особенно же нарисованные им с величайшим гневом картины неистовств белого террора, оказались в числе источников того общего восприятия Некрасовым событий 1870—1871 гг., которое вызвало его собственный поэтический отклик на эти события.

Оба стихотворения Некрасова, таким образом, вполне самостоятельны и оригинальны. Они не являются ни переводами каких-либо определенных строк из книги В. Гюго, ни подражаниями им. Но впечатления от трагических событий во Франции, полученные Некрасовым при слушании сборника Гюго, отчасти тогда же записанные и переработанные в стихи, нашли несомненное отражение в обоих произведениях.

Сборник «L'Année terrible» состоит из 109 стихотворений, создававшихся в течение целого года. Некрасов о тех же событиях франко-прусской войны и гибели Коммуны написал всего два стихотворения и одно из них назвал тем же названием — «Страшный год», которое у Гюго относится ко всей книге... Мало того, — теми же словами он начал и первую строку:

Страшный год! Газетное витийство
И резя, проклятая резя...

В этом стихотворении Некрасов сжато и сильно конденсировал свои впечатления от событий 1870—1871 гг. и их художественного отображения в книге Гюго.

Можно указать несколько стихотворений сборника, впечатление от которых дало, видимо, непосредственную художественную акцентуацию для образов «Страшного года» Некрасова. Это, прежде всего, два стихотворения, начинающиеся словами: «День или ночь сейчас?» и «Я видел кровь...». Оба они довольно близко к подлиннику переведены на русский язык Георгием Шенгели²⁷, поэтому их можно процитировать в его переводах:

День или ночь сейчас? О, ужас беспредельный!
 Вся тьма раскована рукою злости хмельной,
 Раскаты грома, гул. Внимаем, побледнев,
 Как наугад разит слепой и глупый гнев.
 Ни человеческим, ни божеским законом
 Нет места. Бешенство блуждает по загонам,
 Картечью в пленников вгрызаясь, точно волк,
 Злодейство ли творя или выполняя долг...

Вихрь задушил почти сиделку эту — совесть.
 О, ночь! О, страшных дней неслыханная повесть...
 Злодейства разлились по миру, как потоп.

Прочитаем теперь несколько строк из второго стихотворения «Я видел кровь...»:

Я видел кровь; она со всех сторон текла.
 Резней и ужасом дышала ночь и мгла.
 Там убивали всех. Зачем? Убийства ради.
 О, скорбы!.. И понял я, что надо о пощаде
 Сказать кому-нибудь. И я заговорил,—
 Что пощадить врага, безумца в схватке адской,
 И к пленным подойти с участливостью братской,
 Понять и выслушать — достойней и умней;
 Что бог на нас глядит; что лик грядущих дней
 Враждою помрачен, а просветлен любовью;
 Что тот, кто кровь пролил, сам захлебнется кровью;
 ...Что бешенство убийств не в силах искупить
 Утроенных злодейств разнузданная свора,
 Что дать нельзя резне достойного отпора,
 Расстреливая сплошь и женщин и детей...
 И я пошел вразрез всей этой бойне черной...

Некрасов не сделал никаких текстуальных заимствований из материала этих стихотворений. Он создал собственное произведение. Но некоторые детали его обнаруживают несомненную генетическую связь «Страшного года» с непосредственными впечатлениями от слушания только что приведенных «восторженно-призывных» стихов Гюго. Некрасов говорит о той же «проклятой резне» — о тяжелых «впечатлениях крови и убийства», о «жадном пире злодейства и насилия». И он так же, как Гюго, с пафосом восклицает:

О любовь! — где все твои усилья?
 Разум! — где плоды твоих трудов?

Подобно Гюго, обличает Некрасов и кровавые зверства версальцев, мстящих побежденным врагам-коммунарам:

Где вражда, где трусость роковая,
 Мстящая — купаются в крови,
 Стоя стоят над миром не смолкая...

И, подобно Гюго, он думает, что франко-прусская война и разгром Коммуны вызовут в будущем новые схватки тех же борющихся сторон:

Этот год готовит и для внуков
 Семена раздора и войны...

Для стихотворения «Смолкли честные...» можно указать одно из произведений Виктора Гюго из сборника «Страшный год», которое, повидимому, знал Некрасов. Это стихотворение «Nos morts» («Наши мертвецы»), входящее в раздел книги за декабрь 1870 г. ²⁸.

В «Nos morts» Гюго дает романтически-жуткую картину пустынного поля битвы, на котором расprostерты изуродованные трупы «павших за свою страну» французских солдат. Они лежат в лужах крови, «чудовищ-

ные ястребы копаются в их раскрытых внутренностях», под ними «ползают черви, гусеницы и муравьи». Проходят ночи среди неподвижности и сурового сна. Эти трупы ушли наполовину в землю, «как корабль, погружающийся в пучину». Леденящий ветер пронесется в этом безмолвии. Обнаженные и окровавленные тела поливает дождь. Эта картина смерти заканчивается возгласом поэта:

О, павшие за мою родину, я завидую вам!

При сравнении исполненной мрачного пафоса картины Гюго со стихотворением Некрасова невольно воспринимаешь общность некоторых художественных образов и сравнений.

В «Смолкли честные...» на труп «великана убитого» тоже слетаются «кровожадные птицы», сползаются «ядовитые гады»; над «доблестно павшими» борцами «вихорь злобы и бешенства носится» и «разливает свой мрак безрассветная ночь».

Любопытно отметить, что другая редакция стихотворения «Смолкли честные...», сохранившаяся в корректурном оттиске у В. Евгеньева-Максимова, ближе отражает в одном пункте непосредственное, прямое впечатление Некрасова от французского подлинника. Как в «Наших мертвецах» Гюго говорится о павших за свою страну, так и у Некрасова в этой редакции сказано:

За страну неуклонно стоявшие...

— в то время как в окончательной редакции стихотворения эта строка заменена другой:

За несчастный народ вопившие...

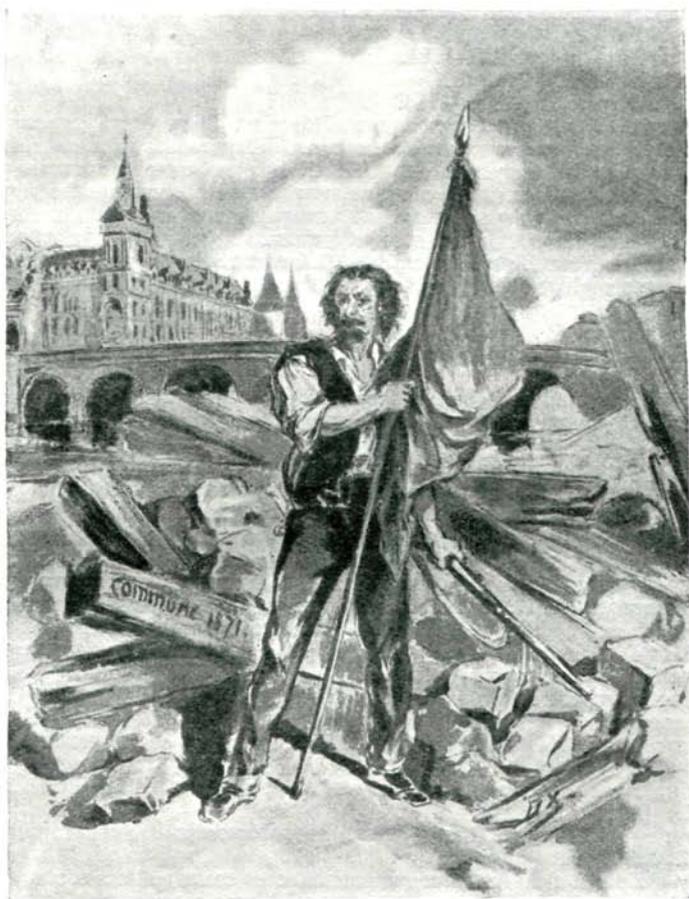
Это очень существенная замена. Она как бы перевела художественные впечатления, полученные Некрасовым от «Наших мертвецов» Гюго, в новый идейно-политический регистр и сконденсировала их здесь, отчего стихотворение получило совершенно новое и самостоятельное содержание и окраску. Ведь у Гюго речь идет о французских солдатах, павших в битве с внешним врагом своей родины, а Некрасов посвящает свои стихи революционерам-коммунарам, «доблестно павшим» за дело беззаветного служения народу.

Вполне самостоятельную и независимую от Гюго позицию занял Некрасов и в оценке французских событий 1870—1871 гг., изображенных в «L'Année terrible». В то время как утопический гуманист Гюго скорбит о ненависти и злобе, проявленной, по его мнению, обеими борющимися сторонами — и версальцами, и коммунарами, — и призывает их к примирению, революционный демократ Некрасов совершенно определенно становится на сторону коммунаров, прославляя и героизируя их как бойцов, «доблестно павших» в борьбе «за народ». Изображая гибель Коммуны, он называет ее «убитым великаном», говорит о мрачной ночи торжествующей реакции, которая разлилась над Францией после разгрома коммунаров, и когда упоминает о врагах Коммуны, которые, «торжествуя, скликаются», о «кровожадных птицах» и «ядовитых гадах», собирающихся вокруг трупа «убитого великана», он, конечно, имеет в виду французскую контрреволюционную буржуазию, которая «купается в крови» побежденного ею классового врага, охваченная «мстящей трусостью».

Необходимо, наконец, отметить, что у Некрасова отсутствуют тот безнадежный пессимизм и мрачное отчаяние, которыми окрашена вся книга Виктора Гюго. Некрасов верит, что «есть еще сердца живые» среди современников поражения Коммуны, что они только временно, до нового подъема революционного движения, «притаились» в ожидании «света и тепла».

Даже, будучи свидетелем «безрассветной ночи» политической реакции, он верит в будущую победу народа и гонит от себя «прочь сомненья роковые» в возможности этой победы.

Крупнейший революционный поэт России, Некрасов, как и Щедрин, гневно заклеил палачей Парижской Коммуны. Вместе с тем, в поэтических образах своих стихотворений он ярко и мужественно выразил свое сочувствие революции. Вдохновенные и скорбные строфы стихотво-

«КОММУНА 1871 г.»

Современная акварель неизвестного художника
Музей ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Москва

рения «Смолкли честные...» являются замечательным русским памятником, воздвигнутым певцом русской революции в честь вечно неуывдаемой славы павших коммунаров и бессмертного, по словам Ленина (XV, 160), дела Коммуны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 П. Лавров, Взгляды на прошедшее и настоящее русского социализма.— «Календарь «Народной Воли» на 1883 г.», Женева.

2 «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову», М., 1916, 237.

3 «Отечественные Записки», 1871, № 12, 204.

4 Там же. № 5, 127—152.

⁶ Там же, № 3, 185—213.

⁶ См. об этом: М. Алексеев, Виктор Гюго и Россия, — «Литературное Наследство», М., 1937, кн. 31—32.

⁷ В. Курочкин французское прилагательное «terrible» перевел не совсем точно словом «грозный». Более правильно было бы передать его словом «страшный» или «ужасный». В позднейших многочисленных переводах из этой книги Гюго ее называют обычно «Страшный год», — так же, как сделал это Некрасов.

⁸ А. А. Буткевич хорошо знала французский язык. Еще в августе 1869 г. Некрасов предлагал ей заняться переводами с французского для издававшегося им журнала. «Мне кажется, — писал он ей 13(25) августа из-за границы, — тебе надо приниматься за работу. Начинать переводить с французского для «Отечественных Записок». Этой работы я могу доставлять сколько угодно» (Некрасов, Сочинения, V, 469—470).

⁹ «Архив села Карабихи», 153—154.

¹⁰ «Русское Слово» 1913, № 285.

¹¹ «Архив села Карабихи», 114—116.

¹² В своей книге «Комментарии к поэме «Кому на Руси жить хорошо» (М., 1933 124—125) И. Н. Кубиков уже отметил, что стих. «Страшный год», вероятно, вызвано поражением Парижской Коммуны в мае 1871 г., «ибо по смыслу стихотворения видно, что дело идет о какой-то сильной стороне, карающей обессиленного врага». Но эта догадка не была развита и аргументирована автором с достаточной полнотой.

¹³ Впрочем, полной уверенности в том, что стих. «Страшный год» относится именно к 1874 г., у К. И. Чуковского нет. В издании «Собрание сочинений Некрасова», М.—Л., 1930, 283, он пишет: «Хотя Некрасов в подзаголовке этого стихотворения и указал 1870 г., т. е. год франко-прусской войны, но, судя по его рукописи, оно, кажется, было написано позже».

¹⁴ Н. Некрасов, Полное собрание стихотворений, изд. 9-е (стереотипное), Л., 1935, 525.

¹⁵ Есть еще копия с этого автографа, написанная рукой А. А. Буткевич. Хранится она также в Институте литературы АН СССР, фонд 134, оп. 11, № 2. Архив А. Ф. Кони.

¹⁶ В. Евгеньев, Николай Алексеевич Некрасов, М., 1914, 210, и «Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография», под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова, П., 1918, 29—30.

¹⁷ «Земля и Воля», Социально-революционное обозрение, № 5, 8 апреля 1879, 5.

В России стихотворение «Смолики честные, доблестно павшие» впервые смогло появиться в печати лишь в революционном 1905 г., да и то в провинциальном издании. Оно было опубликовано Ф. Н. Юшковым по списку, полученному от известного артиста М. И. Писарева (лично общавшегося с Некрасовым), в казанской газете «Волжский Вестник» (№ 4, от 11 ноября 1905 г., стр. 2: «Ненапечатанное стихотворение Н. А. Некрасова»). Текст содержит ряд вариантов.

¹⁸ «Общее Дело», газета политическая и литературная, № 47, март 1882, Женева. Передовая статья под заглавием «Новый год».

¹⁹ См. «Некрасовский сборник», под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова, П., 1918, 29.

²⁰ Л. Дейч, Некрасов и семидесятники. Сб. «Некрасов, Памятка ко дню столетия рождения», П., 1921, 10.

²¹ В. Фигнер, «Процесс 50-ти» 1877 г., изд. Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1927, 26.

²² В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, М., 1912, 301.

²³ Воспоминания И. С. Джаббара о «процессе 50-ти» напечатаны в журнале «Былое», 1907, август. Ср. брошюру: И. Майнов, Петр Алексеевич Алексеев (1849—1891), М., 1924.

²⁴ «Процесс 50-ти». Предисловие В. Каллаша, изд. В. М. Саблина, М., 1906.

²⁵ Н. Шедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, М., 1939, XIX, 91.

²⁶ Н. Михайловский, Отклики, СПб., 1904, II, 323—324.

²⁷ В. Гюго, Избранные стихи. Перевод и примечания Георгия Шенгели, М., 1935 здесь напечатано 24 стихотворения из книги «Страшный год».

²⁸ V. Hugo, L'Année terrible. — Oeuvres complètes, Edition nationale, 1888, XII, 121—122.